

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 141–149. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 2, pp. 141–149. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'42

EDN VLQTHH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-141-149>

ПОСТФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ «ДЕЛАТЬ УРОКИ»: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ильина Лариса Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургская духовная семинария, Оренбург, Россия, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Аннотация. Прагматический аспект изучения текстов постфольклора обусловлен способностью данных текстов минимальным количеством текстового содержания производить коммуникативный эффект, вызывать у рецептора прагматические отношения к сообщаемому. Цель работы заключается в проведении прагматического анализа постфольклорного текста, включающего определение позиции автора, прагматической установки текста и типов прагматических значений слов. Методами исследования являются лингвосociологический и сравнительно-сопоставительный; для проведения прагматического анализа постфольклорного текста используются семантический, структурный и интерпретационный методы. В ходе исследования дано определение *школьного фольклора и интернетлора*, разработана схема прагматического анализа постфольклорного текста. Материал исследования классифицирован по жанрам. Автор приходит к выводу, что сюжет «делать уроки» осуществляет прагматическое воздействие на получателя информации.

Ключевые слова: постфольклор, школьный фольклор, интернетлор, фольклорный жанр, сюжет «делать уроки», прагматический анализ.

Для цитирования: Ильина Л.Е. Постфольклорный сюжет «делать уроки»: прагматический аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 141–149. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-141-149>.

Research Article

MODERN FOLKLORE PLOT “DOING HOMEWORK”: A PRAGMATIC ASPECT

Larisa E. Ilyina, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Abstract. The pragmatic aspect of the study of modern folklore texts is due to the ability of these texts to produce a communicative effect with a minimum amount of textual content, to evoke pragmatic attitudes towards the message in the receptor. The purpose of the work is to conduct a pragmatic analysis of the modern folklore text, including the determination of the author's position, the pragmatic setting of the text and the types of pragmatic meanings of words. The research methods are linguo-sociological and comparative; semantic, structural and interpretive methods are used to conduct a pragmatic analysis of a modern folklore text. In the course of the study, the definition of school folklore and Internet lore was given, and a scheme for a pragmatic analysis of a modern folklore text was developed. The research material is classified by genre. The author comes to the conclusion that the plot “to do homework” have a pragmatic effect on the recipient of information.

Keywords: modern folklore, school folklore, Internet lore, folklore genre, “doing homework” plot, pragmatic analysis.

For citation: Ilyina L.E. Modern folklore plot “doing homework”: a pragmatic aspect. Bulletin of the Kostroma State University. 2023, vol. 29, № 2, pp. 141–149 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-2-141-149>

Постфольклором [Неклюдов] или современным фольклором называют городские легенды, песни, анекдоты, слухи, другие сюжеты и образы урбанистической мифологии [Грамотчикова: 29]. В нашем исследовании постфольклорный текст – система ментальных, речевых и визуальных конструкций и стереотипов, устоявшихся в сознании общества образов, сюжетов и поведенческих практик, которые связаны с определенными территориями и их сообществами [Лурье].

Теоретические аспекты, связанные с изучением фольклора вообще, детского фольклора, современного фольклора, представлены в работах В.Я. Проппа, С.Ю. Неклюдова, А.Ф. Белоусова, Е.М. Мелетинского, Е.С. Новик, М.П. Чередниковой, Ф.С. Капицы, Т.М. Колядич, С.М. Лойтер, Е.М. Неелова. Детский фольклор стал предметом изучения лингвистов только в конце XX века.

Школьный фольклор есть тексты и традиции, существующие в сообществе учащихся образовательных учреждений как часть детского фольклора, он отражает мировосприятие детей разных возрастов, их социальных опыт и коммуникативные умения. Школьный фольклор мы относим к постфольклорной традиции, поскольку он сохраняет особенности традиционного фольклора: анонимность, вариативность, использование определенных оборотов речи и форм предъявления, но существенно отличается от традиционного фольклора скоростью распространения и интенсивностью появления новых жанров и форм. В XXI веке многие свойства фольклора воспроизводятся в форме текстов сетевых коммуникаций, образующих сферу *интернетлора* [Ильина: 70]. Интенсификация процессов текстообразования затрудняет фиксацию постфольклорных текстов, определение жанровой принадлежности и сферы их функционирования, модификацию сюжетов.

Из всего многообразия школьного фольклора нами был выбран сюжет, связанный с выполнением домашних заданий. *Фольклорный сюжет*, по мнению Б.Н. Путилова, – художественная конструкция и материальное выражение процессов, осмысляемых коллективным сознанием [Путилов: 185].

Материалом исследования послужили тексты школьного фольклора, полученные в результате анкетирования; тесты, собранные автором статьи за годы профессиональной педагогической деятельности; тексты традиционного школьного фольклора и интернетлора, находящиеся в открытых источниках.

Прагматический аспект изучения текстов постфольклора обусловлен способностью данных текстов минимальным количеством текстового содержания производить коммуникативный эффект, вызывать у реципиентов прагматические отношения к сообщаемому, осуществляя прагматическое воздействие

на получателя информации. Люди, использующие в процессе лингвистической коммуникации языковые знаки, не относятся к ним безразлично: они по-разному реагируют на те или иные языковые единицы, а через них – и на сами обозначаемые ими референты и денотаты [Бархударов].

Согласно концепции прагматизации значения, значение высказывания неотделимо от прагматической ситуации, а значения слов определяются через указание на коммуникативные цели речевого акта [Витгенштейн].

В прагматическом аспекте каждое постфольклорное высказывание может быть рассмотрено относительно: социальной ситуации; факта реальности и факта речи (сага – прошлое, поступление в школу – одновременность, гадание – будущее); результатов высказывания, ответной реакции слушателя; а также относительно используемых языковых средств (в широком смысле понимания языка) [Адоньева: 9].

Создание, распространение и непроходящий интерес к школьному фольклору тесно связаны с понятием *системы прочных приобретенных predisposedностей*, или *габитуса* (лат. *habitus* – внешность) [Бурдые: 160].

В данной статье из эстетических соображений примеры текстов школьного фольклора, содержащие сниженную лексику и эвфемизмы, не приводятся.

В советский период школьные фольклорные тексты были ориентированы на пародирование школьной программы. Отдельные выражения строились на ассоциациях с лучшими произведениями мировой литературы или значимыми историческими событиями (А.С. Архипова, А.В. Козьмин): *каникулы – 10 дней, которые потрясли мир; день перед контрольной работой – последний день Помпей; ученик на педсовете – Миклухо-Маклай у людоедов*.

На рубеже веков и сейчас подобные выражения строятся на ассоциациях, связанных с культурой андерграунда, шоу-бизнесом, популярными ток-шоу, высказываниями блогеров, тик-токеров. Так, демо-

Рис. 1. Демотиватор с изображением Добби из фильма «Гарри Поттер и Тайная комната» (2002, реж. К. Коламбус)

тиватор с изображением Добби из фильма «Гарри Поттер и тайная комната» (рис. 1) содержит текст, набранный крупным шрифтом: *Каждый раз, уходя с работы, (далее мелко) радостно проговариваю про себя «Ура, Добби свободен!»* Реакция к демотиватору в учительском чате: *«Конечно, свободен, главное не забыть взять домой тетради для проверки!»*

Постфольклорный сюжет «делать уроки» выделяется из других тем школьного фольклора именно регулярностью повторения и особым драматизмом, с которым обыгрывается сложность программ, нерадивость ученика, поведение родителей при выполнении домашних заданий, некомпетентность учителя.

Разработанная нами схема прагматического анализа постфольклорного текста включает определение позиции автора, прагматической установки текста и типов прагматических значений слов. Позиция автора может заключаться в: расширении коммуникативного права читателя; предложении читателю позиции соавтора; ограничении или игнорировании коммуникативного права читателя. Прагматическая установка текста – это своеобразное использование языковых и стилистических средств национального языка, включая сюжетно-композиционное построение речевого произведения. Определение типов прагматических значений всех слов, составляющих постфольклорный текст, нецелесообразно, так как текст может пересказываться (переписываться) другими словами. Мы будем выделять содержательно-прагматические аспекты ключевых слов текста (Л.С. Бархударов), опираясь на работы К.В. Чистова, И.А. Осиповой, S. Rose.

Ключевыми словами мы вслед за S. Rose называем особо важные, общепонятные, ёмкие и показательные для отдельно взятой культуры слова в тексте, набор которых может дать описание его содержания, обеспечив компактное представление и хранение его смысла в памяти [Rose]. Ключевые слова способны «провоцировать» респондента на исполнение текста, в котором это ключевое слово является опорным, и, собственно, благодаря этому слову и происходит узнавание и сохранение текста.

Определение типов прагматических значений слов будет состоять в уточнении стилистической характеристики и регистра слова, его эмоциональной окраски и коммуникативной нагрузки.

Для получения репрезентативного материала было проведено анкетирование среди школьников 5–8 классов (10–14 лет), учителей и родителей города Оренбурга и Оренбургского района. В анкете содержалось предложение вспомнить и написать истории, анекдоты, высказывания о школьных уроках, о заданиях на дом, о выполнении домашних заданий. Отдельно предлагалось проанализировать содержание чатов, в которых респонденты являются участ-

никами, и найти фрагменты диалогов на указанную тему. Анкетирование проводилось на внеклассных мероприятиях, родительских собраниях, методических совещаниях учителей и предварялось беседой о постфольклоре как индикаторе скрытых настроений общества и о школьном фольклоре как явлении, знакомом каждому, но которому уделяется неоправданно мало внимания. В зависимости от состава аудитории сложность изложения менялась. Также использовалась рассылка в родительских / учительских чатах. Было собрано порядка 600 текстов, причем среди текстов в анкетах школьников преобладают тексты юмористического содержания (анекдоты, «приколы», дразнилки), среди текстов в анкетах родителей – демотиваторы и фразы из интернета, рассказы «когда мы учились...». Установлена связь между возрастом/образованием взрослых респондентов и качеством/количеством записанных текстов. Также были использованы результаты анкетирования, проводимого автором ранее по изучению семейных преданий и постфольклорных текстов, среди которых довольно часто встречались тексты школьной тематики.

Кроме анкетирования были изучены материалы, находящиеся в открытом доступе в Интернете: сайты школ, популярных телепередач, каналы блогеров, коллекции демотиваторов и картинок, подборки анекдотов, сценариев школьных праздников, видео на YouTube и комментарии к ним. Из собранных материалов методом сплошной выборки были отобраны тексты, затрагивающие проблему подготовки уроков.

В ходе изучения школьного фольклора мы отобрали 10 текстов, в которых описывается ситуация «делать уроки», и предложили респондентам (5 групп по 20–25 человек) выделить в них ключевые слова. Объем отобранных текстов варьировался от 100 до 1 000 знаков, но респонденты были ориентированы на определение ключевых слов даже в самом коротком тексте. Количество ключевых слов, предложенных респондентами к одному тексту, было прямо пропорционально его объему. В 50 % полученных анкет содержатся аналогичные ответы (глубочайшие извинения / извинения учителям / извинения школьникам учителям). В дальнейшем планируется более подробное изучение объема ключевых слов, их систематизация, распределение по тематическим группам. Дальнейший анализ позволил установить, что ключевые слова образуют в тексте семантические комплексы: вокруг них группируются слова, связанные с ними ассоциативно, однокоренные слова, повтор которых в том или ином контексте, как правило, не случаен. Через ключевые слова выражается не только основная идея текста, но и авторская индивидуальность.

Затем все отобранные тексты были распределены по их жанровой принадлежности. Такие жанры, как *рассказы, частушки, анекдоты, переделки*, со-

храняют признаки жанров традиционного фольклора. К перечисленным жанрам мы добавили жанры пост-фольклора и интернетлора: *демотиваторы и рисунки, тексты из учительских и родительских чатов, тексты разговорного жанра, тексты блогеров*. Далее приведены наиболее яркие примеры, полученные в результате анкетирования или редко встречающиеся в сети. В примерах, полученных в результате анкетирования, исправлены грамматические ошибки.

Рассказы (истории)

Заметки уставшей мамы. Моя мама рассказывала, что когда они учились в школе, по вечерам все сидели в одной комнате за одним столом – дети готовили уроки, мама что-то штопала или вязала, отец мастерил или читал газеты. И никто никому не мешал, дети учились хорошо, все получили высшее образование. Сейчас у каждого своя комната, свой стол, компьютер, всякие штучки-дрючки, и не учатся! (информант 172, 1955 г. р., род. в Оренбурге, медицинское образование).

Частушки

Овердофига уроков,
Достаю решебники,
Мама с папой пусть читают
За меня учебники
(информант 17, 1997 г. р.,
филологическое образование, учитель).

Анекдоты

– Вовочка, а ну, не грызи ручку!
– Не могу, у меня такая привычка: когда я нервничаю, мне надо что-нибудь погрызть...
– Твоя привычка нам дорого обходится! Быстро отойди от двери, сядь и делай уроки!¹

Мысли родителей после ввода дистанционного образования (школьная стенгазета к выпускному вечеру): Приношу свои глубочайшие извинения школьным учителям. После первых дней дистанционного обучения я поняла, что моя дочь просто тупая, а никакая ни талантливая и ранимая натура (информант 59, 1963 г. р., род. в Челябинске, филологическое образование, учитель).

Переделки и сценарии школьных праздников

Ты меня на рассвете разбудишь,
Хоть вчера я пришел полвторого.
И опять на уроки погонишь,
Не жалеешь ты сына родного.
Опоздаю, меня выгоняют,
«Двойки» ставят, к директору тащат!
И я снова не сделал домашку,
Ох, я бедный, совсем я пропащий
(архив автора, сценарий
выпускного вечера, 2008 г.).

Песня черепахи Тортиллы

Юный друг, долой компьютер,
Спрячь айфон свой и айпад!

И работай головою,
Как мы 40 лет назад

(архив автора, сценарий
выпускного вечера, 2020 г.).

Из сценариев:

– складывается впечатление, что современные учебники пишут вчерашние двоечники (информант 125, 1991 г. р., техническое образование, род. в Оренбурге).

– из одиннадцати школьных лет я только и запомнил, как меня мама в первый класс привела, а папа с выпускного унёс (информант 125, 1992 г. р., филологическое образование, род. в Оренбургском районе).

Демотиваторы и рисунки

Господи, помоги мне сделать уроки с ребенком и остаться любящей мамочкой, культурной женщиной, адекватной соседкой².

Уроки сделаны: мать охрипла, дочь оглохла, соседи выучили все наизусть, собака пересказала³.

Чаты

Уважаемые коллеги! Если Вы сдали все отчёты, заполнили электронный журнал, ссылки по контрольным и домашним работам, отчёт по столовой, то ЗАВТРА МОЖЕТЕ ОТДОХНУТЬ ОТ РАБОТЫ ДОМА (информант 207, 1972 г. р., учитель, род. и проживает в Оренбурге).

– Завтра экскурсия, сдаем по 300 рублей.

– Люблю постоянство: на шторы – 300 рублей, на обеды – 300 рублей, на автобус – 300 рублей (информант 213, 1981 г. р., учитель, род. в Башкирии, проживает в Оренбурге).

Тексты разговорного жанра

Stand-up (Алексей Щербаков). ...А с какого... вы задаете задание домой, чтобы они его с родителями делали? Мне это надо? Я дома сижу, лежу... А он приходит такой с портфелем и ко мне: «Па, посмотри, сколько нам всего сегодня задали!...»... И, самое удивительное, у учительницы хватает наглости звонить: «Вы что, дома вообще не занимаетесь?» У меня – тот же самый вопрос: «Вы – школа, вы там что, вообще не занимались?»⁴

КВН

Отец: Сына, я вчера с корпоратива пришел, все нормально было?

Сын: Да, ты мне даже уроки помогал делать! Мне задали написать песню про школу, а ты мне там исправлял, зачеркивал...

Отец: Ну и как, песня понравилась?

Сын: Да-а-а, директору понравилась, участкову понравилась, детский психолог тоже заинтересовался...⁵

Уральские пельмени

Мать: первый землекоп копает траншею со скоростью 5 метров в час, это понятно?

Сын: Я спать хочу.

Мать: Хватит ныть! Второй землекоп...

Сын: Их что – два? Вы меня не любите...

Мать: Что ты несешь? Так, сейчас перерывчик на тортик!⁶

Блоги

Из наблюдений ученицы: о школьном лицемерии (Александра Токтарёва)

Установка учителя перед приездом комиссии: «Когда я задаю вопрос, руки должны поднимать все. Те, кто знает ответ, поднимают правую руку, кто не знает – левую. И только попробуйте поднять правую руку и не ответить, когда я вызову!»

«Вот твари, подонки! Расстрелять их всех, ублюдков!» – реакция учительницы с более чем сорокалетним стажем, заметившей на стене грязные следы от обуви⁷.

Для анализа мы отобрали по 10 текстов каждого жанра, иллюстрирующих бытование сюжета «делать уроки», отдавая предпочтение текстам, имеющим более позднюю дату фиксации. Далее был осуществлен прагматический анализ постфольклорного текста.

Несмотря на то, что в анализируемых текстах используются многозначные слова, мы не можем говорить о расширении коммуникативных прав читателя, поскольку смысл и/или комический эффект строится именно на основе определенных значений слов. Так, после прочтения обращения «Вовочка, а ну, не грызи ручку!» читатель соотносит знак *ручка* с предметом, используемым для письма, тогда как из продолжения диалога явствует, что речь идет о *дверной ручке*.

Особенность текстов ситуации «делать уроки»: автор вступает с читателем в сложную прагматическую игру, расставляет в тексте скрытые подсказки или ловушки, намёки. Фрагменты диалогов родительских и учительских чатов, комментарии демонстрируют возможность участия в порождении текста. Наиболее полно возможность участия в порождении текста предоставляется в текстах разговорного жанра.

Об игнорировании коммуникативных прав читателя мы можем говорить в случаях размещения в сети снимков экрана телефона с диалогами в чате, на которых показаны только несколько реплик, ограниченного поля экрана, то есть границы текстового пространства резко оборваны. Однако понимание ситуации помогает читателю восстановить или додумать детали, поэтому речевое поведение автора не препятствует получению удовольствия от прочтения данного текста.

Так, в примере из КВН на вопрос «...песня понравилась?» ожидаемым ответом является утвердительное «да», так как для членов языкового коллектива у переходного глагола у первую очередь воспроизводится прямое дополнение (что понравилось – «песня»), а потом косвенное (понравилась кому – «директору...»).

Лексические и стилистические средства выразительности широко используются в современном

школьном фольклоре. Рассмотрим лексические средства. *Эпитеты* встречаются в рассказах (историях), а также в учительских и родительских чатах: *глубочайшие извинения, талантливая и ранимая натура, интересные задания*.

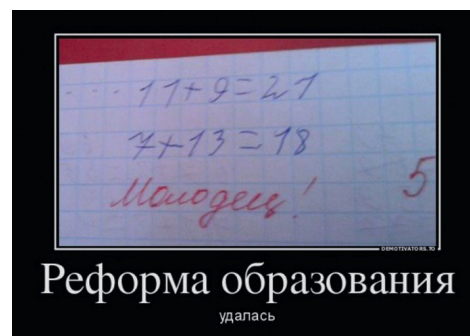
Устоявшиеся *метафоры* чаще встречаются в рассказах, на учительских и родительских чатах, в анекдотах и частушках: *лес рук, море проблем, море слёз, гранит науки, багаж знаний*.

Особо следует отметить скрытые сравнения, которые являются обязательным условием демотиваторов, так как перенос значения с одного слова на другое по сходству признаков происходит на основе понимания смысла изображения демотиватора, которое не всегда формулируется вербально, происходит сравнение некой интенции и предложенного текста (рис. 2 а, б).

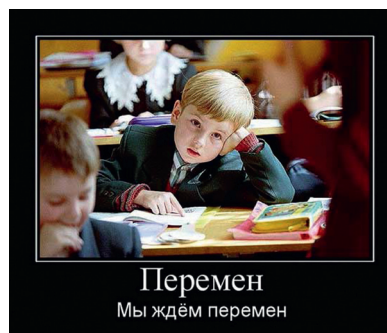
Такое лексическое средство выразительности, как *сравнение* чаще оформляется прямым сопоставлением двух предметов: *Учителя остервенели, как ГАИшники* (родительский чат).

Метонимия встречается достаточно редко: *ударения надо смотреть у Розенталя* (учительский чат).

Случаи *иронии* (*насмешки*), когда слова употребляются в переносном смысле – со значением, обратном прямому значению слова, – встречаются достаточно часто: *я до безумия люблю делать уроки с дочерью, особенно после ночной смены, особенно*

а

б

Рис. 2. Демотиваторы на основе скрытого сравнения

Рис. 3. Демотиватор-оксюморон

химию...; *всего-то два легоньких параграфа* (родительские чаты), ...*дети приносят нам одни огорчения. А мы им – другие!* (сценарий).

Ряд примеров, где сочетается несочитаемое, можно отнестись к оксюморонам: *Отец – тракторист, мать – прачка, в кого ты debil такой!* (КВН); ...*мама в первый класс привела, а папа с выпускного унёс* (Информант 125); демотиватор – *1 сентября* (рис. 3).

Случаи *гиперболы* выявлены в анкетах родителей: *нам задали тысячу слов написать, выучить английский ценой собственной жизни.*

Олицетворение встречается в историях, переделках (песнях и стихах), сценариях праздников: ...*сердце спит, а надо еще генеалогическое древо рисовать* (Информант 174).

Примером *синекдохи* является фраза: *первоклассник сегодня те тот, что лет 10 назад*, примерами *литоты*: *Почему учителя ставят пятерочки малюсенькие?*; ...*Всего-то два легоньких параграфа* (Информант 175), примерами *перифраз*: *Спой, светик, не стыдись!*⁸; *Отвечай, тебе в войну надо было бы немцев пытать...* (Информант 174).

Синтаксические средства выразительности встречаются в произведениях, описывающих ситуацию «делать уроки» достаточно часто, далее приведены некоторые примеры:

- анафора: *Я его и на тренировку, я и в школу, я и на родительское собрание...*;
- анадиплосис: ...*вызывают меня в школу. В школу я ходить не люблю...*;
- антитеза: *наша новая классная и старая – как «стихи и проза, лед и пламень»*;
- градация: *директору понравилась, участковому понравилась, детский психолог тоже заинтересовался...*⁹;
- риторические вопросы: *А что я?*;
- эллипсис, намеренный пропуск слов, не влияющих на смысл высказывания: *А он приходит такой с портфелем – и ко мне (и говорит опущено. – Л. И.): «Па, посмотри»*¹⁰;
- эпифора: *на иторы – 300 рублей, на автобус – 300 рублей* (Информант 118).

Обратимся к анализу сюжетно-композиционного построения анализируемых постфольклорных произведений. Внешнюю композицию мы не рассматриваем ввиду малого объема произведений. Сюжетные элементы внутренней композиции можно условно выделить только в рассказах, чатах, текстах разговорного жанра. В подобных текстах присутствует экспозиция, или завязка, наблюдается развитие действия и кульминация, а в развязке автор сообщения подводит некоторые итоги, делает выводы.

Образные элементы в анализируемых текстах присутствуют в том случае, если это важно для повествования. Речевые элементы представлены монологами (рассказы, тексты разговорного жанра, частушки, переделки), диалогами – тексты разговорного жанра, видео, телевизионные шоу). Вставки и сложные композиционные приемы в примерах, отобранных для анализа, не выявлены.

Определения типов прагматических значений всех слов, составляющих постфольклорный текст, нецелесообразно, так как текст может пересказываться (переписываться) другими словами. Мы будем выделять содержательно-прагматические аспекты ключевых слов текста, при стилистической характеристике которых мы учитывали их принадлежность к одному из функциональных стилей: тексты разговорного жанра – *подготовленная сценическая речь с элементами импровизации*, частушки – *подражание фольклорному стилю*, блоги – *публицистический стиль*, чаты – *разговорный стиль*.

Эмоциональная окраска слов соответствует стилю произведения в целом и используется для создания желаемого эффекта и, далее, для стимулирования выполнения собеседником определённых действий. Эмоциональная окраска слов позволяет продемонстрировать:

- осуждение/неодобрение: *не жалеешь ты сына родного...*;
- пренебрежение: *что ты там намалевал*;
- презрение: *подхалимство у неё всегда приветствовалось*;
- унижительность: *ублюдки*;
- стремление вызвать жалость: *совсем я пропащий*.

Отметим, что слова с яркой эмоциональной окраской – сниженная лексика и эвфемизмы – используются в анализируемых текстах как для усиления выражения эмоционального состояния говорящего, так и для «связывания слов» (классический случай использования русского мата), в последнем случае сниженная лексика и эвфемизмы расцениваются говорящим как фигура украшения речи в маргинальном понимании.

В текстах сюжета «делать уроки» присутствуют слова неофициального и просторечного реестров, сниженная лексика. Эмоциональная окраска лексики на-

кладывается на общепринятое лексическое значение слова, передавая таким образом позицию автора материала, касающуюся описываемой ситуации.

Многозначные слова получают определенную нагрузку при их использовании в качестве метафоры: *Перемен, мы ждем перемен*. Однозначные слова и устойчивые выражения имеют яркое оценочное значение: *В мире нет справедливости – вчера сделала все уроки, а сегодня мороз – сидим дома!*

В текстах присутствуют эмоционально окрашенные слова с положительной и отрицательной оценками. Слова с положительной оценкой выражают одобрение – *приличный*; хорошее отношение, ласку, умиление – *мила*, восхищение – *вайбово!* Слова с отрицательной оценкой выражают неодобрение – *душный*; *страх – кринжовый*; укор – *наколбасила*; презрение – *уроды*. Среди них встречаются также фамильярные выражения (*химичка*) и бранные выражения.

Характеризуя коммуникативную нагрузку ключевых слов, мы отмечаем, что за каждым словом стоит фрагмент действительности, каждое слово имеет тысячи связей в долговременной и оперативной памяти, слова помогают устанавливать связность текста, обеспечивают формулирование умозаключений и контекстные ожидания. Если коммуникативное назначение текста – служить средством общения и сообщения, и текст как речевое произведение служит средством организации отдельного акта речевой коммуникации в виде системы полного (трехчленного) состава, то каждое слово необходимо в данном тексте именно в том значении, в котором оно употреблено/воспринято. Изменение или удаление хотя бы одного слова изменяет весь текст.

Школьный фольклор как неотъемлемая часть школьных будней периода взросления и социализации человека отражает формирование габитуса. По своему генезису фольклор, постфольклор и интернетлор – явления социокультурные, социальная среда стремится сохранить традиции и передать его последующим поколениям. Традиция никогда не бывает застывшей, поэтому фольклорное сознание постоянно генерирует идеи и интерпретирует изменяющийся мир.

Прагматическая установка существенно влияет на языковое оформление текстов школьного фольклора. Тексты, раскрывающие сюжет «делать уроки», способны производить коммуникативный эффект, сообщать реципиенту индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями и их значимости в социальной, экономической, политической жизни общества, тем самым вызывая у реципиента прагматические отношения к сообщаемому. Исследуемые тексты осуществляют прагматическое воздействие на получателя информации, причем прагматическое

содержание текста разрабатывает и развивает прагматическую установку, сообщая ей определенную направленность, и, конкретизируя, доносит содержание до адресата.

Изучение постфольклора вскрывает социальный подтекст произведений, косвенно сообщающий о социальных опасностях, серьезных проблемах, которые трудно (или невозможно) решить. Тексты школьного фольклора, затрагивающие ситуацию «делать уроки», и особенно интернетлор, передают далеко не радостное состояние современного образования. Снижение общего уровня образованности, падение авторитета учителя, неготовность и нежелание учеников много и серьезно трудиться – вот что стоит за каждой строкой изученных текстов.

Ситуация семейного обучения находит отражение в постфольклорных текстах исключительно в положительном качестве – как альтернатива школьному обучению и как решение всех проблем с подготовкой уроков. Мнение автора статьи по этому поводу таково: онлайн-обучение не заменит живого общения с учителем; если ребенок не понимает изучаемую тему, её всё равно придётся объяснять родителям. Погружение в интернет-пространство, исключение общения со сверстниками отрицательно сказываются на психике ребенка и его мировоззрении.

Особо мы отмечаем наличие видеозаписей, размещенных в интернете, в которых показан процесс выполнения домашних заданий. В лучшем случае это удачная видеозапись курьезной ситуации или видеозапись, сделанная по заранее продуманному сценарию. В худшем – это видео, снятое в режиме реального времени, демонстрирующее родителей и детей, находящихся в состоянии истерии из-за завышенных требований школьных программ, а также вследствие патологического неумения выстраивать конструктивный диалог и сложившегося стереотипа, что домашние задания выполняются только на грани нервного срыва.

Примечания

¹ URL: <https://vse-shutochki.ru/anedkot/136462>

² URL: <https://gigi.click/picture/gospodi-pomogi-mne-sdelat-uroki-s-rebenkom-i-ostatsa-lubasej-mamockoj-kulturnoj-zensinoj-i-OTk3NzE1>

³ URL: <https://demotos.ru/node/2996>

⁴ URL: <https://vimeo.com/367604012>

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AbcjlUGC70>

⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1lhChAzh2Io>

⁷ URL: <https://mel.fm/blog/aleksandra-toktareva/74861-5-nablyudeny-uchenitsy-o-shkolnom-litsemerii>

⁸ URL: <https://otmetim.info/shkolnyj-yumor/>

⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AbcjlIUGC70>

¹⁰ URL: <https://vimeo.com/367604012>

Список литературы

Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. Санкт-Петербург: Амфора, 2004. 312 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод Москва: Libroком, 2018. 240 с.

Бурдые П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. Москва: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.

Грамматчикова Н.Б., Хоруженко Т.И. Постфольклор и интернетлор. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2017. 62 с.

Ильина Л.Е. Особенности городских легенд, характеризующие их содержание, бытование и динамику изменений // Стратегии общей и частной теории текста / под. ред. Л.Е. Ильиной. Оренбург: ОГУ, 2022. С. 66–108.

Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор: учеб. пособие Москва: Флинта: Наука, 2002. 320 с.

Лойтер С.М., Неелов Е. М. Детские страшные истории («страшилки») как мифологические рассказы // Современный школьный фольклор. Петрозаводск, 1995. С. 5–68.

Лурье М.Л. Анализ фольклорного текста: прагматика, семантика, морфология. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm (дата обращения: 22.03.2023).

Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm> (дата обращения: 23.05.2023)

Неклюдов С.Ю. Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. Архангельск. 2006. № 2 (39). С. 121–127.

Осипова И.А. Смысловая структура текста в аспекте существующих концепций ключевых слов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5. С. 789–792.

Пропн В.Я. Поэтика фольклора // сост., предисл и коммент. А.Н. Мартыновой. Москва: Лабиринт, 1998. 352 с. (Собрание трудов).

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 464 с.

Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. Москва: АСТ: Ладомир, 1998. 752 с.

Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск: Лаб. культурологии, 1995. 237 с.

Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Ленинград: Наука, 1986. 303 с.

Rose S. Engel D., Cramer N., Cowley W. Automatic keyword extraction from individual documents. Text Min, Appl. Theory, 2010, pp. 1-20.

References

Adon'eva S.B. *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2004, 312 p. (In Russ.)

Barhudarov L.S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow, Librokom Publ., 2018, 240 p. (In Russ.)

Burd'e P. *Prakticheskij smysl* [Practical meaning]. Saint Petersburg, Aleteyja Publ., 2001, 560 p. (In Russ.)

Cherednikova M.P. *Sovremennaya russkaya detskaya mifologiya v kontekste faktov tradicionnoj kul'tury i detskoj psihologii* [Modern Russian children's mythology in the context of the facts of traditional culture and child psychology]. Ulyanovsk, Lab. kul'turologii Publ., 1995, 237 p. (In Russ.)

Chistov K.V. *Narodnye tradicii i fol'klor* [Folk traditions and folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 303 p. (In Russ.)

Gramatchikova N.B., Horuzhenko T.I. *Postfol'klor i internetlor* [Modern folklore and netlore]. Ekaterinburg, Ural. un-ta Publ., 2017, 62 p. (In Russ.)

Il'ina L.E. *Osobennosti gorodskih legend, harakterizuyushchie ih sodержание, bytovanie i dinamiku izmenenij* [Features of urban legends that characterize their content, existence and dynamics of changes]. *Strategii obshchej i chastnoj teorii teksta* [Strategies of general and private text theory: under], ed by L.E. Il'ina. Orenburg, OGU Publ., 2022, pp. 66-108. (In Russ.)

Kapica F.S., Kolyadich T.M. *Russkij detskij fol'klor* [Russian children's folklore]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002, 320 p. (In Russ.)

Loyter S.M., Neelov E.M. *Detskie strashnye istorii («strashilki») kak mifologicheskie rassказы* [Children's scary stories (“horror stories”) as mythological stories]. *Sovremennij shkol'nyj fol'klor* [Modern school folklore]. Petrozavodsk, 1995, pp. 5-68. (In Russ.)

Lur'e M.L. *Analiz fol'klornogo teksta: pragmatika, semantika, morfologiya* [Folk text analysis: pragmatics, semantics, morphology]. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm (access date: 22.03.2023). (In Russ.)

Meletinskij E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S. *Status slova i ponyatie zhanra v fol'klоре* [The Status of the Word and the Concept of Genre in Folklore]. *Centr tipologii i semiotiki fol'klora RGGU* [Center for Typology and Semiotics of Folklore of the Russian State Humanitarian University]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm> (access date: 23.05.2023) (In Russ.)

Neklyudov S.YU. *Fol'klor i ego issledovaniya: vek dvadcatyj* [Folklore and its research: the twentieth century]. *Ekologiya kul'tury* [Ecology of culture], 2006, № 2 (39), pp. 121-127. (In Russ.)

Osipova I.A. *Smyslovaya struktura teksta v aspekte sushchestvuyushchih koncepcij klyuchevyh slov* [Semantic structure of the text in the aspect of existing concepts of keywords]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, № 5, pp. 789-792. (In Russ.)

Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1994, 464 p. (In Russ.)

Propp V.Ya. *Poetika fol'klora* [Poetics of folklore]. Moscow, Labirint Publ., 1998, 352 p. (In Russ.)

Russkij shkol'nyj fol'klor. Ot "vyzyvanij" Pikovoj damy do semejnyh rasskazov [Russian school folklore. From the "callings" of the Queen of Spades to family stories], by A.F. Belousov. Moscow, AST Publ., Lodomir Publ., 1998, 752 p. (In Russ.)

Rose S., Engel D., Cramer N., Cowley W. Automatic keyword extraction from individual documents. *Text Min. Appl. Theory*, 2010, pp. 1-20.

Vitgenshtejn L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, vol. 1, 612 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 31.05.2023.